Я готовилась ко сну – в прострации расчесывала жесткие локоны, конечно далеко не сто раз, как положено воспитанным леди, любовалась на кружево ночной сорочки – все-таки мирийский шелк это нечто, снова и снова прокручивала в голове базовые стойки, которые сегодня начал показывать мне Мастер Ликас. Подача материала в корне отличалась от того, что в свое время нам давали в академии.

Сзади негромко хлопнула дверь – Нэнс должна была принести немного сонного чая на ночь. И я так и не разобралась с тем мешочком, который Квинт передал Айше. Это напрягало. Я каждый день проверяла всю еду несколькими артефактами, и парой не особо заковыристых чар, но пока ничегошеньки не обнаружила. Решили не спешить? Ждут чего-то?

Ожидание меня напрягало. И никогда не было моей сильной стороной. Видимо, когда Великий раздавал терпение, дочь Блау стояла в очереди зачем то ещё.

– Нэнс, скажи мне, часто ли в последнее время на кухне крутится Ливия, горничная Айши, – я повернулась на мягком пуфике – Нэнс расставляла чашки и маленький, исходящий белесым паром заварник на чайном столике.

Аларийка обернулась, если бы я не знала свою Нэнс, то решила бы, что она собирается в последний бой – спина расправлена, глаза горят, на щеках лихорадочный румянец, поднос перед собой, как щит, смуглые пальцы побелели от напряжения.

– Нэнс…, – я не понимала, что происходит, и поэтому приближалась медленно и очень плавно, чтобы не спугнуть. Обогнула столик и осторожно нацедила себе пиалу чая. Напиток вышел чудесным. С терпкими осенними нотками можжевельника, желтых махровых цветков и мяты.

– Нэнс…, – я позвала ещё раз.

Моя верная боевая служанка зажмурилась и, осенила себя крестным знаменьем на аларийский манер, после этого началась самая настоящая драма. Поднос взлетел, мелькнули широкие рукава платья.

Удар металлическим подносом пришелся мне в плечо по касательной. Было бы странно ожидать прицельной точности с закрытыми глазами, но все равно было больно. Чай расплескался, пиала закатилась под чайный столик, Нэнс выгибалась на ковре в мучительных судорогах.

Она бледнела, хрипела и скребла ковер скрюченными, начавшими чернеть пальцами. Если я правильно помню, следующая и последняя стадия – когда почернеют губы. Процесс станет необратимым, если наказание дойдет до сердца.

Нэнс закатывала глаза и тянула ко мне руки: «Госпожа…».

Знать бы ещё, кто из них додумался до такой оригинальной идеи.

– Отменить наказание, – я села рядом и коснулась кончиками пальцев лба Нэнс.

Аларийка сразу затихла. Дернулась несколько раз и затихла. Дыхание приходило в норму. Двигаться она её не могла, большие темные глаза блестели ужасом, паникой и непролитыми слезами.

Нэнс. Нэнс. Нэнс.

– Проверила? Клятва работает? – мне даже не пришлось делать голос строгим, меня саму потряхивало. Эти аларийские выскочки, высокомерные в своем невежестве, неужели никто не сообразил, что теперь, с малой печатью, наказание будет в несколько раз больше. Благо, что на месте не прибило.

Додумались – поднять руку на Госпожу, проверить родовую клятву.

– Старик? Ликас тоже участвовал? Мага? Нэнс, в чью светлую голову пришла эта идея? Давай закроем этот вопрос сразу. Ты можешь ударить меня ещё раз, и получить наказание. Ты имела право на некоторые сомнения, но чтобы это было первый и последний раз, когда ты сомневаешься в своей Госпоже…и ее Праве, – я вложила в голос немного силы.

– Нэнс, – я потрясла у нее перед носом родовым перстнем, – неужели никому не пришло в голову, что это значит? Неужели ты думаешь, сир Рода пропустил бы что-то, что смогли увидеть вы? Поразительное невежество.

– Госпожа, простите, госпожа, – Нэнс подползла на коленях и вцепилась в подол сорочки. – Мы думали…сказали…Госпожа изменилась….нужно проверить…как чужая…простите меня, Госпожа, простите, простите меня…

Аларийцы в поместье представляли собой отдельную касту. Касту среди слуг. Приехавшие вместе с Аурелией Хэсау, они остались служить ее маленькой дочери. Нет, клятву рода Блау приносили все, но именно аларийцы умудрялись как-то так трактовать приказы, чтобы игнорировать отдельные распоряжения, и служить сообразно своему странному аларийскому уразумению. Следили друг за другом, держались все вместе и до дрожи обожали их маленькую госпожу.

Поэтому проверка была ожидаема. Я правда думала, что их коллективный аларийский разум отправит Ликаса, но они бросили на передовую Нэнс.

Клятва крови сработала четко. Причинение вреда – наказание, соразмерно поступку, но эти деятели не учли, что дядя оставил мне малую печать Блау, или тоже не сочли это важным?

Идиоты. Я вздохнула и выплела чары малого исцеления – последствия нарушения клятвы всегда очень неприятны.

Нэнс захлебывалась плачем, продолжала целовать руки, края ночной рубашки, счастливо улыбалась сквозь слезы и говорила, говорила, говорила.

Рассказывала о том, как для поисков собрали всех охотников поместья и свободных солдат.

Как испугалась сира Кастуса, который вылетел из алтарного подземелья и, даже не надев стремян, рванул на райхарце в сторону шахт.

Как мастер-вирт-наставник-целитель целую луну пытался привести госпожу в чувство, и как она потом собрала в мусор у стены несколько разбитых флаконов.

Как кухарка Мада напугала ее старыми аларийскими преданиями о неупокоенных духах, которые занимают место живых; что-то говорила про райхарца, Старика и стражников; как больно было ей падать, когда госпожа очнулась и не узнала их сразу; как сильно изменилась их девочка, ведь Нэнс то видит все, все чувствует…

– А как же родовой перстень? – я вздохнула. Аларийские предрассудки неистребимы. Хоть они

и стали верить в Великого, но на поверку из всех щелей лезут дремучие суеверия.

Нэнс отерла сопли передником и громко высморкалась.

– Это ваши господские заморочки, мы люди простые, к вашим правилам не приученные. А то что Наставник ваш, да дядя на вас косо смотрят, это уж все заметили. Все смотрют и смотрют. И мастеру Ликасу наказали – во все глаза смотреть, значится. Наше дело простое – теперь вот никто не скажет, что не наша Госпожа из шахт вернулась…

Ох, Нэнс, я протянула руку, потрепать ее по голове, но вместо этого приобняла, как в детстве. Моя старая добрая верная Нэнс.

Теперь ежели что, – она воинственно вскинула крепкий кулак, – вот они у меня где, если кто ещё будет про Госпожу язык распускать.

– А кто говорит, Нэнс?

– Так Ливия и говорит, Госпожа. У-у-у, змеюка…как придет на кухню, так так и чешет своим поганым языком, так и чешет…

– Нэнс, а что ещё говорит Ливия…и другие слуги, которых тетя привезла с собой из менора?

http://tl.rulate.ru/book/23579/486672